

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/6

**Традиции сатирической журналистики 1860-х годов
в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского
в «Сибирской газете» (1882–1888)**

Александр Евгеньевич Мазуров

Томский государственный университет
Томск, Россия

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Аннотация

Сатирические журналы 1860-х гг. оказали значительное влияние на систему периодической печати. Публицисты Сибири с ее культурным и экономическим отставанием от центра в 1880-е гг. во многом оказались в схожих с демократической прессой условиях. В статье рассматривается отражение сатирических традиций «Свистка» (1859–1863) и «Искры» (1859–1873) в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского, «негласного редактора» первого крупного частного издания Западной Сибири, «Сибирской газеты» (1881–1888). В исследовании анализируются идеологические и методологические особенности сатиры 1860-х гг., а также их влияние на создание Волховским «сатирической летописи» Сибири.

Ключевые слова

Ф. В. Волховский, фельетоны, «Сибирская газета», сатира

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования

Мазуров А. Е. Традиции сатирической журналистики 1860-х годов в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 73–85. DOI 10.17223/18137083/89/6

© Мазуров А. Е., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 73–85
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 73–85

Traditions of satirical journalism of the 1860s in the feuilleton work of F. V. Volkhovsky in the “Sibirskaya gazeta” (1882–1888)

Alexandr E. Mazurov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Abstract

The satirical magazines of the 1860s had a significant impact on the periodical press system. Given the cultural and economic disparities between Siberia and the center in the 1880s, Siberian publicists found themselves in conditions resembling those of the democratic press. This paper examines the satirical traditions of the key representatives of the democratic press, namely “Svistok” (1859–1863) and “Iskra” (1859–1873). The analysis focuses on the feuilleton works of F. V. Volkhovsky, the “tacit editor” of the first major private publication in Western Siberia, “Sibirskaya gazeta” (1881–1888). The publicist’s ideology was centered on combating the pre-reform order in Siberia before the reforms. The populist brought his theses on social and economic contradictions published in the “Svistok” and “Iskra” into a single ideological harmony within the framework of two concepts: regional and socialist. It was also crucial for Volkhovsky to address the persisting problem of publicity, the attitude to the printed word, and the understanding of its goals. He wrote feuilletons in the Aesopian manner due both to pre-censorship and directly to satirical objects similar to their predecessors. Additionally, Volkhovsky employed irony as a central technique to achieve a comedic effect, thereby eliminating the option of employing satirical methods. Furthermore, the publicist brought many of the methods of his literary predecessors to a new level.

Keywords

F. V. Volkhovsky, feuilletons, “Sibirskaya gazeta”, “Iskra”, “Svistok”, satire

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the Tomsk State University project “Siberia. Actualization of the local Siberian text and the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia” with a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation

Mazurov A. E. Traditions of satirical journalism of the 1860s in the feuilleton work of F. V. Volkhovsky in the “Sibirskaya gazeta” (1882–1888). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 73–85. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/6

Сатирическая журналистика 1860-х гг. была одним из ключевых явлений отечественной литературы и публицистики второй половины XIX в., послужив формированию системы периодической печати и становлению ее жанровой палитры. Феномен демократической прессы во многом вдохновлялся подготовкой и противоречивой реализацией крестьянской реформы, ослаблением цензурного режима и активным установлением в повестке идеи гласности. Флагманами журналистики в 1860-е гг. выступали сатирические журналы: «Свисток» (приложение к «Современнику», издавался в 1859–1863 гг.), «Искра» (1859–1873), «Гудок» (1862–1863) и «Будильник» (1865–1871) (см.: [Очерки..., 1965, с. 9–30]). Среди журнальных и газетных публикаций преобладали публицистические и художественные

но-публицистические жанры, важное место среди которых занимал фельетон [Мазуров, 2022а, с. 58–77].

Изменения, перевернувшие столичную прессу в 1860-е гг., находили отражение в провинции лишь в конце XIX в. Такая «задержка» сказывалась и на развитии жанров: провинциальные фельетоны были типологически ближе к выступлениям В. С. Курочкина, М. М. Стопановского, Н. А. Добролюбова, нежели к публицистике А. В. Амфитеатрова и А. С. Суворина (см.: [Старых, 2010]). Редакции обращались к эзопову языку, иронии, используя уже отработанные в общероссийской прессе методы и паттерны [Мазуров, 2022а, с. 73–74]. Становление сибирского фельетона, начавшееся с публикаций Н. М. Ядринцева в «Томских губернских ведомостях», а затем в «Восточном обозрении» (см.: [Крутовский, 1912; Гольдфарб, 1997; Чуркин, 2017]), было продолжено на страницах «Сибири», «Сибирской газеты», «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» (см.: [Жилякова, 2012]).

Важную роль в формировании региональной сатирической традиции сыграло первое крупное частное издание Западной Сибири – «Сибирская газета» (1881–1888). В областнически ориентированном издании работали как местные публицисты П. М. Головачев, Ф. Ф. Филимонов, А. В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь народники: Ф. В. Волховский, С. Л. Чудновский, Д. А. Клеменц [Жилякова, 2002, с. 30–49]. Одной из особенностей газеты была ее «литературоцентричность»: стихотворения, рассказы, очерки публиковались почти в каждом номере [Жилякова, 2002]. «Литературоцентричность» была связана как с ориентацией на просвещение сибиряков, так и с напряженными отношениями с цензорами, потребностью в разработке собственного «шифра».

В «Сибирской газете» было опубликовано более 350 художественных и художественно-публицистических текстов, большая часть из которых, в том числе 80 фельетонов, написано сосланным в Сибирь в 1878 г. поэтом-народником Ф. В. Волховским [Мазуров, 2022а,]. «Негласный редактор» газеты (см.: [Доманский, 1996]) уделял значительное внимание борьбе за равноправие и социальной повестке. Волховский был во многом наследником традиций демократического русского фельетона, развивавшегося в рамках принципов «натуральной школы»: в его произведениях можно обнаружить ориентацию на творчество Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, увидеть следование принципам гласности и адресности.

Цель настоящего исследования – выявление преемственности фельетонов Ф. В. Волховского по отношению к сатирическим журналам 1860-х гг. как с точки зрения содержания, так и с точки зрения используемых публицистом сатирических методов и приемов. Цель реализуется за счет анализа и сопоставления номеров «Искрь», «Свистка» и материалов публициста. Основными методами в рамках исследования являются описание, содержательный и сравнительный анализ, метод описательной поэтики.

Преемственность фельетонов Волховского по отношению к творчеству писателей «натуральной школы» (Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина) уже неоднократно становилась объектом исследований (см.: [Жилякова, 2008; Мазуров, 2022б]). При этом особенности демократической журналистики 1860-х гг. и их отражение в фельетонах публициста обозначались только в рамках характеристики творчества поэта-народника в целом (см.: [Жилякова, 2020; Мазуров, 2022а; Ямпольский, 1971]).

Одним из ключевых сатирических изданий 1860-х гг. был «Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» [1981]. Он был основан как приложение к «Современнику» в 1859 г. Несмотря на малый объем (всего девять номеров), «Свисток» во многом повлиял на существующую в России систему периодических изданий, а также на восприятие жизни страны [Рыбас, 2011, с. 29]. Особенностью «Свистка» была новая форма «разбора репутаций и авторитетов», отличающаяся «веселостью и большим остроумием», стремлением ко «всеобщему свисту» [Анненков, 1960, с. 510].

Идейным вдохновителем «Свистка» был Н. А. Добролюбов. В программе иллюстрированной сатирической газеты «Свисток», в выпуске которой было отказано в 1859 г. (таким видели продолжение журнала), критик писал: «Обязанность его будет: открывать и осмеивать дурное и забавное везде и во всем, нисколько не опасаясь скомпрометировать чрез то хорошую сторону предмета. Такого простора для сатиры необходимо требует переходное состояние, в каком находится теперь наше общество» [«Свисток»..., 1981, с. 330]. Первые номера «Свистка» были полностью посвящены борьбе с популярной на тот момент «обличительной литературой»: авторы выступали не против гласности, как указывали литературные оппоненты, а против ее мелочности. Например, в фельетоне «Письмо из провинции» (Свисток. 1859. № 2) Добролюбов иллюстрировал современную «искаленную гласность» заметкой, обличающей работу сапожника. От лица провинциального читателя публицист намекал на бессмысленность критики социальных явлений без выводов.

Для сатиры «Свистка» были характерны критика общественно-политического строя, обсуждение подготовки и реализации крестьянской реформы, рассуждения о бедственном положении народа [«Свисток»..., 1981, с. 407–432]. Одним из примеров демократической направленности издания является фельетон Добролюбова «Отучение людей от пищи» (Свисток. 1860. № 5), где обличались учредитель Волго-Донской железной дороги В. А. Кокарев и подрядчик, по вине которых гибли рабочие.

Значительная часть материалов «Свистка» представляла собой полемику с либеральными и консервативными изданиями, а также литературными оппонентами. Именно в диалоге с «Русским словом», «Петербургскими ведомостями» раскрывались идеологические установки. В фельетоне «Секретное занятие» (Свисток. 1863. № 9) М. Е. Салтыков-Щедрин иронично описывал, как редакторы «Московских ведомостей» (М. Н. Катков) и «Русского вестника» (П. М. Леонтьева) пытаются скрыть от посторонних глаз чтение «Современника» и «Колокола». Последний номер «Свистка», где опубликован фельетон, почти полностью посвящен описанию привычек «будничества» и «полицейского» элемента в прессе.

«Свисток» был площадкой для экспериментов с сатирическими жанровыми формами. Прочное место на его страницах занял фельетон, важной составляющей журнала было использование в прозе стихотворных вставок, правительственных документов и пародий [«Свисток»..., 1981, с. 407–432]. Несмотря на борьбу с существующей мелочной гласностью, для самого издания было важным обличительное направление – фельетонисты вступали в полемику с «хищниками», создавая сатирические портреты деятелей науки, искусства, чиновников.

Иронией были пронизаны как отдельные произведения, так и целые номера. Тон мнимого утверждения позволял, с одной стороны, сбить с толку цензоров, с другой – дать правильную оценку привычных «благонамеренных формул»

[«Свисток»..., 1981, с. 425]. Например, в фельетоне Н. Г. Чернышевского описывалось, как «ковенские мужики» перестали пить водку, что, судя по разговорам чиновников, могло привести к «беспорядкам» (Свисток. 1859. № 1). Для сатирического издания были важны контекстуальные средства выразительности, в частности оксюморон и антитеза, позволяющие открыто демонстрировать конфликт.

«Свисток» оказал значительное влияние на формирование традиции «маскарада». Одна из наиболее известных литературных масок – «Козьма Прутков» (А. К. Толстой, А. М. Жемчужников, В. М. Жемчужников) – высмеивала в первую очередь самого «автора» басен, пьес и заметок. В масках Добролюбова («Яков Хам», «Конрад Лиленшвагер», «Аполлон Капелькин») нашла отражение борьба с поэтами чистого искусства. Литературные маски наделялись биографическими чертами, что позволяло создавать полноценные портреты [«Свисток»..., 1981, с. 426–427].

Последний номер «Свистка» (№ 9) вышел в 1863 г. после годового перерыва. Выходу предшествовало ужесточение реакции, приостановка на 8 месяцев «Современника» и «Русского слова», «падение литературы» с финансированием многочисленных провластных изданий [Там же, с. 539–541]. Номер затронул почти все эти проблемы, отстаивая необходимость мятежа в Польше и защищая обличаемых либеральной прессой нигилистов.

Еще одним популярным сатирическим журналом 1860-х гг. была «Искра» (1859–1873). Фельетон Стопановского «Сказки современной Шехерезады» отразил суть сатиры в издании, понимание ее значения и роли: «А на самом деле, добрая наша болтуня разве имеет в виду раздражать чей-нибудь гнев? Разве лично против кого-нибудь она ополчается? Совсем нет. Еще менее думает она исправлять “закоснелых” <...> Она следует учению божественного Платона: берет в руки зеркало и водит им вокруг: уже сами собой и люди, и вещи отражаются в волшебном стекле» (Искра. 1866. № 4).

Издание неоднократно призывало читателей снабжать редакцию материалами [Очерки..., 1965, с. 152–172]. Многочисленная сеть провинциальных корреспондентов была основным «редакционным ядром». Часто корреспонденции снабжались карикатурами и комментариями, позже М. М. Стопановский стал публиковать обзоры под заголовком «Между прочим (выдержки из корреспонденции “Искры”»». Благодаря многочисленным письмам редакция откликалась даже на мелкие факты социальной несправедливости. Участвуя в так называемой литературной игре в деперсонализацию, сотрудники «Искры» втягивали в нее читателей, создавая «коллективную сопричастность» [Козлов, 2021, с. 25–34]. Фиксация отклонений от нормы в разных уголках страны позволяла создать «сатирическую летопись русской жизни» [Очерки..., 1965, с. 152–172].

Вслед за «Свистком» «Искра» обращалась к эзопову языку, расширяя его возможности. Для обхода цензуры редакция прибегала к «шифру», которому подвергались практически все упомянутые имена и топонимы. Например, псковский губернатор В. Н. Муравьев был «Муму», Томск – «Златогорском» или «Чертогорском» [Быховский, 1936]. Также для обхода цензуры действия в материалах «Искры» переносились в абстрактные «давние времена» и зарубежные страны. Таким образом, публикации содержали в себе два плана: поверхностный (фабульный) и глубинный (непосредственно содержательный, фокусирующий внимание на острых вопросах действительности) [Ямпольский, 1962, с. 810–818].

«Расшифровка» номеров «Искры» не представляла сложности для читателей и подписчиков: «герои» и населенные пункты наделялись постоянными характеристиками. Понимали это, несмотря на «шифр» и невозможность привлечения за диффамацию, и цензоры: сотрудники жаловались на преследования, отмечая, что в цензурном архиве погибает половина трудов [Лемке, 1904]. «Изъятые» фрагменты отмечались многоточиями: примером может выступить стихотворение В. С. Курочкина «Куклы, ждущие мужей!», где удалена основная часть, и сохранены только опоясывающие четверостишия (Искра. 1859. № 8).

Для «Искры» во многом было характерно обращение к полному спектру «безобразий жизни»: проблемы существующего политического режима, цензурное преследование, бесправие крестьян и рабочих, разоблачение «хищников». В материалах «Искры» прослеживаются тенденции народнических изданий, социалистическое понимание и трактовка капитализма. В «Искре» находили отражение образы «хищников», обирающих народ до нитки; сытых и бедных.

Именно ирония была ключевым орудием «Искры»: она проявлялась в заглавиях и подзаголовках, определении жанровой принадлежности произведений, использовании цитат [Ямпольский, 1962, с. 63–66]. При этом сатирический журнал звучал значительно острее «Свистка» – авторы обращались к сарказму, гротескным образам. Наряду с иронией в «Искре» была представлена и пародия: в текстах и стихотворениях «передергивались» чиновничья речь, лексика либеральных изданий, жанровые формы и конкретные произведения [Очерки..., 1965, с. 169]. Характерным приемом для «Искры» также была аллегория. Рассказывая о женском пансионе в «Очерках прогресса» («Искра». 1863. № 27), П. А. Гайдебуров создавал образ всей России с намеком на реформы и последующую реакцию.

Важной категорией для «Искры», как и для «Свистка», был диалог. Кроме дискуссии с либеральными изданиями, диалогичность проявлялась в многочисленных обращениях к читателям, пересечениях между циклами и персонажами. Номера и подшивки формировали полноценные ансамбли, объединенные тематикой и сатирическими методами.

Цензурные преследования усиливались на протяжении 1860-х гг. и в итоге привели к закрытию «Искры». В 1873 г. после трех предупреждений издание было приостановлено и больше не возобновилось [Ямпольский, 1962, с. 637–810].

Фельетоны Волховского в «Сибирской газете» затрагивали различные темы: бесправное положение рабочих и крестьян, уездное хищничество, необходимость просвещения, роль печати и бездействие власти. Выбор тем в материалах был напрямую связан с обличительной повесткой. Как и в сатирических изданиях 1860-х гг., в фельетонах публициста находили место как крупные, так и незначительные факты злоупотреблений. Например, в материале под псевдонимом «В тиши расцветший василек» Волховский обращался к бийскому купцу Василию Гилеву, укравшему известку (СГ. 1882. № 43); в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» – к «педагогическому мертвецу», «пожирающему свеже, хорошие силы юношества», учителю Василию Петровичу (СГ. 1883. № 37).

Народнические и областнические тезисы, пересекающиеся в творчестве публициста, во многом основывались на идеях революционеров-демократов 1860-х гг. Такая созвучность была связана с социальным и экономическим отставанием Сибири. Публицист обращался к крестьянскому вопросу, мнимости его реализации на примере пришедших на смену уездным присутствиям новых чиновников по крестьянским делам: «Если институт новых чиновников по крестьянским де-

лам, в некоторых своих представителях, не оправдал ожидания населения, если некоторая часть гг. чиновников слилась душою с администрацией дореформенной формации <...> не может же газета с пафосом провозглашать: Наконец, давно ожидаемая крестьянская реформа осуществилась!» (СГ. 1885. № 1).

Для Волховского была характерна социалистическая позиция, опора на вскрытие существующих противоречий. В обличениях Волховский видел один из способов искоренения в Сибири дореформенных порядков. Именно всеобщее «движение к свисту» публицист рассматривал как возможность изменений: «Самое негодование гг. Колупаевых и Разуваевых доказывает, что обличения на них действуют; они отбиваются от них, пускают в ход весь арсенал лжи и инсинуаций, чтобы заставить молчать противника» (СГ. 1884. № 19). Как и публицисты сатирических изданий 1860-х гг., Волховский трактовал обличения не как путь к искоренению пороков в конкретных людях, а как возможность для обобщений, способствующих развитию: «Да не подумает читатель, что в обличениях мы видим панацею от всех зол и бедствий, целебное средство против “несовершенств нашей жизни”, нет, нам известно, что благодаря обличениям *иногда* меняются только обличаемые лица, вместо Петрова общественным захребетником делается Иванов и пока только» (СГ. 1885. № 1).

Обращаясь к критике социальных явлений, публицист ориентировался на эзопов язык и систему шифрования сатирических изданий 1860-х гг. Кроме деперсонализации текстов – публицист активно использовал литературные маски, каждая со своей биографией и характерными особенностями повествования («Иван Брут», «Я. Ачинский», «В тиши расцветший василек», «Простой смертный», «Фома», «Дядя Федул», «Консерватор», «Иван Прохожий») – Волховскому приходилось скрывать подлинные имена людей и названия населенных пунктов. Топонимы и имена «шифровались» преимущественно за счет сокращений: Б-ск – вместо Бийска, К-к – вместо Каинска. Также в материалах можно проследить и «искринские» традиции создания собственных имен: Мариинск в фельетонах становился Кийском (название города в 1857 г.), Ачинск – Мирным городком.

Несмотря на «шифрование», фельетоны публициста неоднократно привлекали внимание цензоров. Многие вычеркнутые фрагменты были обозначены многоточиями. В примечании к материалу цикла «В толпе», посвященному аппетитам сибирских «Кондратов», которые могут «проглотить целого мужика», автор указывал, что «вторая половина фельетона... напечатана быть не могла» по независящим от редакции обстоятельствам (СГ. 1886. № 33). Интересным представляется и первый фельетон под псевдонимом «Иван Брут» – в примечании раскрывалось, что произошло с предыдущим рассказчиком («В тиши расцветший василек»): «Всю зиму морозы вредили полному ему цветку, обивая подчас довольно много отдельных листочков и лепестков; все же он мог хоть как-нибудь цвести, но в декабре прошлого года холода усилились до того, что однажды заморозили “василек” до самого корня» (СГ. 1883. № 1).

Важной частью фельетонов Волховского были многочисленные корреспонденции. Публицист вел активную переписку с сосланными в города Сибири народниками: в редакцию писали из Ишима, Ялуторовска, Тюмени, Сургута, Семипалатинска, Минусинска, Иркутска, Тобольска, Барнаула, Каинска, Бийска, Петропавловска. Публицист отбирал наиболее интересные сообщения, привлекая их для иллюстрации тезисов. Примером может выступить фельетон цикла «Сибирский музей», где приводится «рассказ К-ского обывателя» о Дмитрие Сомыче

Дегтяреве, скупающем в голодный год крупчатку для дальнейшей продажи по выгодной цене (СГ. 1884. № 12).

Сам цикл, который ставил себе одной из целей сбор коллекции из «героев грабежа», представлен обличительными материалами. Автор напрямую обращался к читателям с просьбой пополнять музей новыми экспонатами: «Надеемся, что наши друзья помогут нам в собирании для сибирского музея наиболее редких экземпляров, охарактеризованных выше; напомним только, что для этого требуется полное беспристрастие и справедливость, без которых немислимо никакое честное дело» (СГ. 1884. № 12). Таким образом Волховский создавал диалог с читателем, втягивая его в работу издания и позволяя поучаствовать в общем деле.

Для публициста было важным отразить образ корреспондента в Сибири со всеми преследующими его притеснениями и тем самым проиллюстрировать положение печати и отношение к гласности:

«– Господа, – сказал я, стараясь казаться спокойным, – я не понимаю, почему слово “корреспондент” внушает вам такие враждебные чувства; ведь корреспондент есть посредник между каждой отдельной местностью и всей нашей родиной; корреспондент способствует распространению света...

– Да, кляузы строчить! Сор из избы выносить! Покою от вас нету! – закричали мне со всех сторон яростные голоса» (СГ. 1882. № 43).

Для творчества Волховского была характерна диалогичность: литературная игра с читателем, многочисленные риторические вопросы, отсылки к произведениям Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Например, в фельетоне цикла «Сибирский музей» публицист следующим образом описывал приезд в Мирный городок (Ачинск) ревизора: «Наконец, в один прекрасный день раздался крик местного Добчинского: “Приехал! Ревизор приехал! Собственными глазами видел! Остановился на почтовой станции и потребовал самовар!” Тут произошло невообразимое смятение, напомнившее живо переполох, произведенный Хлестаковым в уездном городе» (СГ. 1884. № 28). Небольшой фрагмент из стихотворения Некрасова «Забывшая деревня» в другом фельетоне цикла подчеркивал тщетность надежд на избавление от «триумvirата» Черноярска (Красноярска), несмотря на новое назначение (вместо Д. Г. Анучина Восточно-Сибирским генерал-губернатором в 1885 г. был назначен А. П. Игнатъев) (СГ. 1885. № 9).

Также для Волховского была важна полемика с изданиями. Публицист нападал на консервативную прессу преимущественно в форме отсылок, обозначая негативное отношение: например, указывая, что корреспондент «Нового времени» может одновременно писать из Парижа и Чухломы (СГ. 1885 № 1), или «оставляя» описание обеденного стола у «бийского гуся» «Руси» и «Московским ведомостям» (СГ. 1882. № 43). В условиях предварительной цензуры полемика с литературными оппонентами была одной из возможностей раскрыть собственную позицию. Критикуя обращение автора книги «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири» к цензурному уставу, Волховский приходил к выводам: «Всякое насилие над человеком обидно, оскорбительно; насилие же над его мыслью, над его словом едва ли не оскорбительнее всякого другого» (СГ. 1883. № 23).

Циклы, создаваемые публицистом на различных основаниях, играли не только роль обрамления, но и формировали своеобразное многоголосие, полифонию. Так, стержнем «Скромных заметок о не всегда скромных предметах» выступала литературная маска «Иван Брут» с подробной биографией (произошел от Ничи-

пора Брута, внука Тараса Брута, который был братом Хомя Брута – героя гоголевского «Вия»; «Сибирского музея» – обличительное направление и концепция коллекционирования «героев грабежа». Циклы постоянно пересекались: в качестве примера можно привести предсказание «появления» «Консерватора» (цикл «Сибирский музей»), связанное с описанием «педагогического мертвеца» (фельетон «Иван Брут» резко выделялся среди других материалов под псевдонимом обличительной интонацией): «Что могу я сделать? Будь я консерватором зоологических коллекций Сибирского университета, я увековечил бы его, заспиритовав в банке, как редчайший экземпляр вида “*Homo lupus*” и поставив на соответственную полку» (СГ. 1883. № 37).

Диалог между циклами был связан и с постоянными образами (корреспондентов, кондратов, помпадуров), персонажами и местом действия. Например, Касьян Пафнутьевич неоднократно упоминается в цикле «Летописи Мирного городка», при этом являясь главным резонером «Сибирского музея». Опираясь на традицию ансамблей и концептуальность сатирических изданий 1860-х гг., публицист создавал полноценный диалог сразу на нескольких уровнях: текст – текст, персонаж – персонаж, автор – читатель, цикл – цикл.

Одним из ключевых методов в фельетонном творчестве Волховского выступала ирония, часто в традициях «Искры» перетекающая в сарказм. Примером может выступить описание переплавки оставшихся в ходе учебной стрельбы патронов в свинец для его дальнейшей продажи: «Одно несколько умеряет мою грусть: убеждение, что если тактические наши способности в предстоящих, м.б., переделках окажутся и не самого первого сорта, зато изобретательность, находчивость, а также научная и практическая подготовка наших военных людей (тех самых, которые не служат двум господам) стоит высоко» (СГ. 1886. № 4).

Ирония в фельетонах Волховского находила отражение не только в текстах, но и в заголовочных комплексах; кратком содержании, сопровождающем большинство материалов; выборе эпиграфов. Так, цикл, описывающий различные проблемы и призывающий к борьбе с дореформенными порядками, назван «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Цикл «Летопись мирного городка», в свою очередь, отражал жизнь в Ачинске со склоками, казнокрадством и «военным положением», в котором находились местные жители.

Для сатирического метода Волховского было характерно преувеличение негативных сторон общественной жизни. В качестве примера гротеска может выступить фельетон цикла «В толпе», где приводится описание одного «всеядного двуногого из отряда хищных»: «Прожорливость его необычайна. Не довольствуясь проглатываемыми целиком кадочками с маслом, медом, мешками с мукою, птицею вместе с перьями, оно еще командирует для сборов свою дочь, а по Уб-му, с тою же целью, бегают, высуня язык, один из сотников» (СГ. 1885. № 47). Гротескные образы в фельетонах публициста противопоставлялись образам народа, страдающего от «героев грабежа» и просящего «прописать» все злоключения.

Склонность к гротеску и антитезе была связана с беллетризацией текстов, их сказочностью и стремлением к формированию особого сибирского мифа. Реальность в фельетонах публициста раскалывалась, как и в материалах «Искры», на поверхностный и содержательный планы, а также на сказочный и реальный (см.: [Мазуров, 2022a]). Так, в фельетоне «Мой тост» рассказчик предложил выпить за «мужичью» Сибирь и в дальнейшем во сне увидел младенца, в которого впиваются «мириады чего-то отвратительного» (СГ. 1883. № 6). В беллетризации публицист во многом следовал традициями предшественников. Постоянная экс-

плуатация образа Нового года как переходного времени и возможности обратиться к вечным проблемам берет начало в фельетонном творчестве «Искры» и «Свистка» (см.: «На рубеже старого и нового года» И. И. Панаева (Свисток. 1861. № 7); «Коллекция картин, завещанных покойным 1863 годом, сыну, 1864 году (Искра. 1864. № 1)).

Основным способом достижения образности в творчестве публициста выступали контекстуальные сатирические приемы (оксюморон, аллюзии, антитезы). Примером аллюзии в творчестве публициста является демонстрация борьбы стремящейся к демократическим началам интеллигенции – защитников Сибири – с нечистой, которая пытается урвать свой кусок и «перейти в Новый год в полном составе» (СГ. 1883. № 1). Сибирь в фельетоне-сказке предстает в виде красавицы, руки которой опираются на щит, где выгравированы фразы из Библии и трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Следуя традициям сатирических издания 1860-х гг., Волховский обращался в текстах и к многочисленным «инородным» вкраплениям, преимущественно поэтическим. Поэзия в фельетонах публициста служила средством достижения сатирического эффекта, а также смысловым акцентом для усиления тезиса. Рассуждения об уважении «к человеку вообще, к человеческой личности» в фельетоне «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» завершаются строками из стихотворения воронежского поэта И. С. Никитина «Нищий»:

Жаль разумное Божье создание,
Человека – в грязи и с сумой!
(СГ. 1883. № 19).

Таким образом, фельетоны Волховского типологически восходят к материалам сатирических изданий 1860-х гг. как в содержательном, концептуальном плане, так и в рамках используемых сатирических приемов и методов. Идеология публициста выстраивалась вокруг необходимости борьбы с дореформенными порядками в Сибири. Также для Волховского было важным обращение к сохраняющейся проблеме гласности, демонстрация отношения к печатному слову, понимание его целей: публицист, как и революционеры-демократы 1860-х гг., видел смысл печати в возможности обобщений, обличения подлинного общественного зла.

Публицист критиковал существующий политический строй с его экономическими противоречиями. При этом значительное место уделялось непосредственно фактам, а не публицистическим тезисам: демократическая пресса 1860-х гг. формировала сатирическую летопись страны, а фельетоны Волховского были призваны создать сибирский миф, полный иронических вкраплений, обусловленных документальными фактами. Как и сатирическим изданиям 1860-х гг., высказать определенные тезисы публицисту позволяла многочисленная сеть корреспондентов, обращение к полемике с либеральными и централистскими изданиями.

Фельетоны публициста следовали и традициям эзоповой манеры, что было связано с предварительной цензурой и непосредственно со схожими с предшественниками объектами сатиры: Сибирь отставала от центральных регионов, для нее все еще актуальным были вопросы развития местного самоуправления, реализации крестьянской реформы. Это корректировало и возможности использования сатирических методов: Волховский обращался к иронии как ключевому средству достижения комического эффекта. При этом публицист выводил многие методы на новый уровень: циклизацию, диалог с читателем, использование авторских (литературных) масок. Волховский, опираясь на открытия 1860-х гг., формировал

полноценный редакционный шифр, легко воспринимавшийся постоянными читателями. Во многом за счет этого содержание в фельетонах раскалывалось, принимало как прямое значение, так и скрытое, но при этом подлинное, также доступное читателю. Беллетризация, циклизация фельетонов, интертекстуальные связи позволяли Волховскому расширить полемичность – создавать диалоги с читателем / между персонажами и текстами, а также непосредственно между ансамблями (циклами).

Список литературы

- Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. 698 с.
- Быховский Н.* Из архива курочкинской «Искры» // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25. С. 606–617.
- Гольдфарб С. И.* Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
- Доманский В. А.* Ф. В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
- Жулякова Н. В.* Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 439 с.
- Жулякова Н. В.* «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
- Жулякова Н. В.* Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
- Жулякова Н. В.* «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
- Козлов А. Е.* Сатирический еженедельник «Искра»: опыт реинтерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
- Крутовский В. М.* Периодическая печать в Томске. Томск, 1912. 31 с.
- Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. URL: http://az.lib.ru/l/lemke_m_k/text_0020oldorfo.shtml
- Мазуров А. Е.* Фельетонное творчество Ф. В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022а. 252 с.
- Мазуров А. Е.* Рецепция творчества Н. В. Гоголя в фельетонах Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Медиаскоп. 2022б. URL: <http://www.mediascope.ru/2764>
- Очерки по истории русской журналистики и критики / Ред. В. Г. Березина и др. Л.: ЛГУ, 1965. Т. 2: Вторая половина XIX века. 516 с.
- Рыбас А. Е.* О смехе «Свистка» // Studia Culturae. 2011. № 12. С. 29–38.
- «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов / Изд. подгот. А. А. Жук, Е. И. Покусаев. М.: Наука, 1981. 591 с.
- Старых А. В.* Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 168 с.
- Чуркин М. К.* Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н. М. Ядринцева // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 3. С. 122–125.

Ямпольский И. Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Учен. зап. Ленинград. ун-та, № 349. Серия филологических наук, вып. 74. Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.

Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1962. 1043 с.

References

“Svistok” i ego mesto v russkoy satiricheskoy zhurnalistike 1860-kh godov [“Svistok” and its place in Russian satirical journalism of the 1860s]. A. Zhuk, E. I. Pokusaev (Comps.). Moscow, Nauka, 1981, 591 p.

Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow, Khudozh. lit., 1960, 698 p.

Bykhovskiy N. Iz arkhiva kurochkinskoy “Iskry” [From the archive of Kurochkin’s “Iskra”]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy]. Moscow, 1936, vol. 25, pp. 606–617.

Churkin M. K. Sibirskiy kolonial’nyy diskurs v fel’etonakh N. M. Yadrintseva [Siberian colonial discourse of feuilletons by N. M. Yadrintseva]. *Humanitarian sciences in Siberia*. Novosibirsk, 2017, no. 3, pp. 122–125.

Domanskiy V. A. F. V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor “Sibirskoy gazety” [F. V. Volkhovskiy – the secret editor of “Sibirskaya Gazeta”]. In: *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk, 1996, pp. 147–167.

Gol’dfarb S. I. *Gazeta “Vostochnoe obozrenie” (1882–1906)* [Newspaper “Vostochnoe obozrenie” (1882–1906)]. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 1997, 216 p.

Kozlov A. E. Satiricheskyy ezhenedel’nik “Iskra”: opyt reinterpretatsii [Satirical weekly “Iskra”: the experience of reinterpretation]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, pp. 13–34.

Krutovskiy V. M. *Periodicheskaya pechat’ v Tomske* [Periodical press in Tomsk]. Tomsk, 1912, 31 p.

Lemke M. K. *Ocherki po istorii russkoy tsenzury i zhurnalistiki 19 stoletiya* [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the 19th century]. St. Petersburg, 1904. URL: http://az.lib.ru/l/lemke_m_k/text_0020olddorfo.shtml

Mazurov A. E. *Fel’etonnoe tvorchestvo F. V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regional’noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F. V. Volkhovskiy in the context of the development of regional Siberian periodicals]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2022a, 252 p.

Mazurov A. E. Retseptsiya tvorchestva N. V. Gogolya v fel’etonakh F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [Reception of the creativity of N. V. Gogol in feuilletons by F. V. Volkhovskiy in “Sibirskaya gazeta”]. *Mediascope*. 2022b. URL: <http://www.mediascope.ru/2764>

Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. V. G. Berezina et. al. (Eds.). Leningrad, LSU, 1965, vol. 2: The second half of the 19th century. 516 p.

Rybas A. E. O smekhe “Svistka” [About the laughter of “Svistok”]. *Studia Culturae*. 2011, no. 12, pp. 29–38.

Sarykh A. V. *Stanovlenie fel’etona v russkoy provintsial’noy chastnoy gazete: gazeta “Orenburgskiy Listok” 1876–1879 gg.* [The formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the newspaper “Orenburgskiy Listok” 1876–1879]. Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2010, 168 p.

Yampol'skiy I. G. K bibliografii F. V. Volkhovskogo [To the bibliography of F. V. Volkhovsky]. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta, No. 349. Seriya filologicheskikh nauk, vyp. 74. Russkaya literatura i narodnichestvo* [Scientific notes of Leningrad University, No. 349. Series of Philological Sciences, vol. 74. Russian literature and populism]. Leningrad, 1971, pp. 184–190.

Yampol'skiy I. G. *Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov* [Satirical journalism of the 1860s]. Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1962, 1043 p.

Zhilyakova N. V. “*Oblichat', kolot' i zhalit'*”: *Satiricheskaya zhurnalistika Tomskoy kontsa 19 – nachala 20 veka* [“Reveal, stab and sting”: Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk, 2020, 386 p.

Zhilyakova N. V. “*Sibirskaya gazeta*”, g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya gazeta” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 237 p.

Zhilyakova N. V. Mezhdru literaturoy i zhurnalistikoy: fel'etony F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [Between Literature and Journalism: Feuilletons by F. V. Volkhovsky in “Sibirskaya gazeta”]. In: *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “Amerikanskie idei i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole*” [American studies in Siberia: materials of the All-Russian scientific and practical conference “American ideas and concepts in the humanities research of Siberian scientists and teaching in secondary and higher schools”]. Tomsk, 2008, pp. 333–345.

Zhilyakova N. V. *Zhurnalistika Tomskoy gubernii vtoroy poloviny 19 – nachala 20 veka: ideya oblastnichestva* [Journalism of the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries: the idea of regionalism]. Dr. philol. sci. diss. Tomsk, 2012, 439 p.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Мазуров, лаборант учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Alexandr E. Mazurov, Laboratory assistant of the educational laboratory of the editorial and publishing business of the Faculty of Journalism of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

*Статья поступила в редакцию 18.12.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 01.04.2024
The article was submitted on 18.12.2023;
approved after reviewing on 01.04.2024; accepted for publication on 01.04.2024*